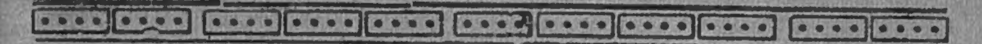
ккупантам!

ou2

Смерть немецким оккупантам!

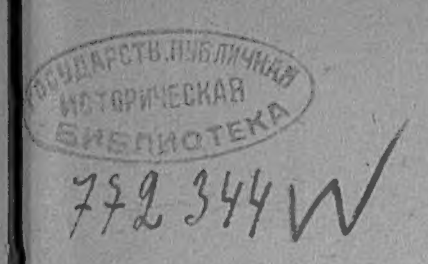
Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Стихи о Сталинграде

ВОЕНИЗДАТ НКО СССР
1942

Редактор батальонный ком иссар
Юр. Костюк

Г228141. Подписано к печати 9.11.42.
Объем 3/4 печ. л. Зак. 4497.
1 типография Полиграфиздата.

Отстоим!

Из тумана встает
Восемнадцатый год:
Здесь, на стыке великих дорог,
Был врагом с трех сторон
Словно смерть занесен
Над Царицыным белый клинок.
Сталин силы собрал
И врага отогнал,
И бандитские своры разбил,
Нынче время—опять
Сталинград отстоять
От фашистских разбойничьих сил.

Как в далекие годы, над нами горят
Крылья красных советских знамен.
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Из сердец непреклонен заслон.

Снова небо темно,
Туч свинцовых полно.
Дайте руки, бойцы и друзья.
Здесь мы будем стоять,
Чтоб потом наступать,
А назад нам—ни шагу нельзя.
Через тьму непогод
Снова Сталин ведет
Сыновей непреклонных своих.
Нас на подвиг зовет
Восемнадцатый год,
Слава первых побед боевых.

Слушай, Тракторный, степь
и район Баррика
Наше слово—железный закон:
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Из сердец непреклонен заслон.

И Москва, и Кавказ
Нынче смотрят на нас,
И глаза их надежды полны,
У реки, у степной
Поднялись мы стеной
На защиту любимой страны.
В небе воет беда,
Злобно рвутся сюда
Вражьи танки по русским полям.

Не позволим им, друг,
Наши Север и Юг
Разорвать, разрубить пополам.

Мчится пуля, граната, бутылка, снаряд
В тучу серых немецких колонн.
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Из сердец непреклонен заслон.

Наш родной Сталинград,
Дон, товарищ и брат,
Мы с оружьем стоим на своем:
Сила — в наших руках,
Ярость — в наших сердцах,
Мы отсюда врага отобьем.
Немцу лютому Дон
Не отдастся в полон
Никогда, никогда, никогда,
Как стоит Ленинград,
Встанет наш Сталинград,
Встанут русские все города.

Как в далекие годы, над нами горят
Крылья красных советских знамен.
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Из сердец непреклонен заслон.

Бомбежка

Детей, завернутых в одеяла,
Несли на пристань.
Воронок язвой земля зияла,
Шел третий приступ.

На старой барже огонь косматый
С обшивкой грызся,
Сирена выла, и по канату
Бежала крыса.

По узким доскам, по переборкам,
По лужам масла,
Дыша безумьем, шла мать с ребенком
В пеленке красной.

Мы слишком много видали крови,
Чтоб ошибиться.
С тяжелой тучей почти что вровень
Парил убийца.

А вражьи роты уже в предместьях
Ползли как змеи.
О чем, товарищ, коль не о мести
Я думать смею?

Недостроенный дом

Дома, где хорошо жилось
Простым и мирным людям,
Огнем пробитые насквозь,
Быть может, мы забудем.
  Мы видели их столько раз,
  Что уж теперь, пожалуй,
  К разрухе примелькался глаз,
  Привычкой стала жалость.
Но тот семиэтажный дом,
С фасадом впрах разбитым,
Был схож скорее с чертежом,
Чем с человечьим бытом:
  Еще не вставлено стекло,
  Еще карниз без лепки.
  Снарядом стену рассекло,
  Леса разбило в щепки.
Согнулась балка, словно прут,
Труба повисла косо.
Повергнут каменщика труд
И плеск сосновых досок.
  Он подрастал как в сказке здесь,
  Средь сереньких хибарок,
  Он рвался в будущее весь,
  Лучился как подарок.
Мы любовались каждый день
Его убранством стройным.
Ужель теперь он — лишь мишень
Снарядам дальнобойным?

Я каменщиком раньше был,
Теперь я только воин,
Но не забыл я, не забыл,
Что дом мой недостроен.

Баррикада

Прощай, моя радость,
И плакать не надо.
На улице, рядом
Нас ждет баррикада.

Впиваются пули
В угрюмый булыжник,
В комоды и стулья
Из домиков ближних.

Не знают покою
Сегодня мушкеты,
Колючей щекою
Приклады согреты.

На улице этой,
Я помню, жила ты,
И ветры рассвета
Здесь были крылаты.

Здесь в классы играла
И бегала в школу,
И звезды считала
С мальчишкой веселым.

И снова тревога,
Сраженье... Однако
Не мало, не много —
Шестая атака.

Атаку отбили
За светлые дали,
За дом, где любили,
Смеялись, страдали.

Мальчишка, с которым
Ты звезды считала
С тускнеющим взором
Ложится устало.

Сестра наклонилась —
Завяжет, поможет...
(Иль это приснилось,
Что так вы похожи?)

И память в дыму,
И расколота каска,
И больше ему
Ни к чему перевязка.

А вдруг, подрастала
В другой стороне ты,
Не эти кварталы
Тобою согреты?

Быть может, не знаю,
И помнить не надо:
Ведь я защищаю
Твою баррикаду.

Дома за спиною
Дымят, догорая.
Ты здесь, ты со мною,
Моя дорогая.

Сталинград

Его мы любили таким —
Просторным, цветущим и стройным,
Веселым, стеклянным, сквозным,
Трудящимся, чистым, спокойным.

Казалось — в нем все города
Сошлись показать свою прелесть.
Его отражала вода
И песни над Волгою пелись.

Подстриженный солнечный сад
Мы Тракторным звали заводом.
Степной богатырь Сталинград
Как в сказке светлел с каждым годом.

К нему подступила беда
Нежданно, как к горлу рыданье.
Забыть ли то утро, когда
Их танки прошли по окраине?

Он с воздуха весь разнесен,
Обстрелом с земли изувечен,
Но образ его — как закон,
Незыблем в душе человечьей.

Мы любим наш город таким —
Суровым, бесстрашным и твердым,
Разбитым, сгоревшим, ночным,
Несчастным и все таки гордым.

Любовь эта очень крепка,
Ей служит страданье основой,
Так любят отца-старика,
Так любят ребенка больного.

В сраженьи за город родной
Достанется право любить нам:
За каждую комнату — бой!
За каждую улицу — битва!

Нет, сердцу мириться нельзя
С обугленной черною тучей.
И только закрою глаза,
Вновь вижу я город цветущий.

Словам не изменим своим,
Пусть бой беспощаден и страшен.
Наш город, ты будешь таким —
Просторным, прозрачным, живым,
Прекрасным, как в памяти нашей.

Борьба за комнату

У нас с тобою, правда, не квартира —
Студенческая комната была.
Стоял диван. Висела карта мира,
В углу, в коляске девочка спала.
Мы говорили — скоро переедем
На новые просторные места,
А эту площадь отдадим соседям —
Смешная довоенная мечта.
...Вокруг углы ощерились как волки
И обвалилась лестница в огне.
Фарфоровые слоники на полке
Остались на единственной стене.
Но комната — она цела, покуда.
Стальными балками завален вход.
Немецкий автоматчик бьет оттуда —
Стрельнет, затихнет, и опять стрельнет.
Он воду пьет из Галинькиной кружки,
И, разорвавши карту на куски,
Себе под локти положил подушки,
Где сохранился след твоей щеки.
Напротив есть оконце слуховое,
Его еще не тронула беда.
Не замечая грохота и воя,
По рваным крышам я ползу туда.
Ужасный час наш поединок длится,
А немец все сидит в моем дому.
Не день, быть может — год придется биться,
Но комнаты я не отдам ему.

Непрошенный гость

Лучшее, что в городе есть
Ему обещали дать.
Что не успеешь на месте с'есть,
Можешь домой послать.
    Найдешь молоко — твое молоко,
    Найдешь плоды — забирай.
    ...А город лежал над великой рекой,
    Отражаясь из края в край.
Был в сером мундире заморский гость,
В руках — автомат стальной.
Город снился ему, как собаке кость,
И рот исходил слюной.
    Чистая девушка в городе есть.
    Ату! Захвати ее!
    Тебе ее достанется честь,
    Жене отошлешь белье.
А в городе нашем каждый порог
В грядущее звал и вел
И был посажен каждый цветок
Детьми из стеклянных школ.
    Поэтому в городе голубом
    Каждый камень стрелял,
    Штыком ощерился каждый дом,
    Снарядом — каждый квартал.
...В степи за Тракторным есть бугор —
Желтый осенний вид.
С жизнью закончив нечестный спор,
Гость там ничком лежит.

Ветры осенние, в даль пыля
Грязью набили рот,
Гостеприимна эта земля —
В гости навек берет.

Статуя

Осада, осада, осада,
Ворчанье дальних громов,
Пыланье осеннего сада
Среди догоревших домов.

Здесь раньше гуляли и пели,
Здесь девочкой бегала ты.
Под кленами вырыты щели,
На клумбах помяты цветы.

Снаряды проносятся с воем.
Случайной шрапнелью разбит
Из белого мрамора воин
На главной аллее стоит.

Смотреть даже как-то неловко,
А все ж отвернуться грешно:
Отбиты рука и винтовка,
И полголовы снесено.

В шинели задымленной, рядом,
Небритый, усталый, живой,
Не кланяясь злобным снарядам
С винтовкой стоит часовой.

О том, о далеком

О том, о далеком, о том
Полночные наши беседы,
Как будет нам житься потом,
Когда мы добьемся победы.

Закроются раны невзгод,
Остынет металл раскаленный,
А поле травой порастет —
Быльем, да былинкой зеленой.

На улицах скроется тьма.
Увидим—наш город разрушен.
Руинами стали дома,
Но сделались крепкими души.

Мы их средь свистящих ночей,
Встречая удар за ударом,
Сложили из тех кирпичей,
Что были калены пожаром.

Коль я не увижу, так ты
Увидишь, хотя и не скоро,
Начало такой чистоты,
Истоки такого простора.

...Угрюмый мой друг говорит
О самом далеком и близком,
И женщина рядом сидит
В шинели и в шлеме танкистском.

О чем загрустила она?
Иль кажется злой и усталой,
Что в жизни осталась война,
А все остальное пропало.

Неправда! Ты в мире найдешь
Не только потери и беды.
Ты выжить должна! Ты вдохнешь
Серебряный воздух победы.

И, может, тогда в тишине
Большая наступит минута...
Пускай это счастье — не мне,
Но все таки будет кому-то.

Слово бойцов Дона

Кто под миною завывающей
Шел в атаку на штурм высот,
Кто в бою выручал товарищей
Тот, я знаю, меня поймет.

Тихо стонет товарищ раненый,
Ты на плечи его берешь,
И сквозь вихри шального пламени,
Спотыкаясь, к своим несешь.

Тяжело его сквозь пожар нести,
Пулям свищущим вопреки,
Но прекрасней нет благодарности,
Чем пожатье его руки.

Мы сегодня на горы дымные
С боем трудный берем подъем.
Как товарища, как любимую
Славный город спасать идем.

Он лежит вдали изнывающий,
В огневом кольце баррикад.
Отбивают наши товарищи,
Город Сталинский—Сталинград.

Опоясан патронной лентою
Он вдыхает пожаров гарь,
Ставший песнею и легендою
Русский город—герой-волгарь.

Всею силою, всею выучкой,
В гордом сердце лелея месть,
Друга выручим—точно,—выручим,
Это долг наш и наша честь.

Бойцу с санитарной сумкой

Вдали громыхают тяжелые танки,
Смертельная ходит гроза.
Под крепким накатом просторной землянки,
С трудом открываю глаза.

Струятся у выхода, из-под палатки
Осеннего солнца лучи.
Лекарственный запах— тяжелый и сладкий,
И в шапочках белых врачи.

Я помню, как мины и пули свистели,
Упал я в огне и в дыму.
Кто вынес меня из свинцовой мятели,
Я жизнью обязан кому?

Хочу я сказать ему нежное слово,
Запомнить лицо навсегда.
И доктор ответил—наверное снова
Уполз ваш товарищ туда.

Он ночью и днем у переднего края,
Он там, где опасней всего.
Скажите мне, доктор, а как я узнаю,
Коль встретить придется его?

Какой он? Такой же как вы сероглазый.
Да что рассказать вам о нем?
А впрочем, его вы узнаете сразу, —
Ведь носит он сумку с крестом.

Поведаю я вам заветную думку,
Ребята! В огне и дыму,
Увидев бойца с санитарною сумкой,
Скажите спасибо ему.

За ее свободу

Вспомни милую девушку нашу,
Молодое былое житье,
Может, Галю, а может, Наташу,
Все равно ведь, как звали ее.

Как она проходила бывало,
Золотое не пряча лицо,
Над рекой на закате стояла,
Как трепещущее деревцо.
Синеглаза, чиста, яснолица,
Словно ягода спелая—рот,
Удивленные брови—как птица,
Вдруг улыбка—и сразу полет.
Ни в кого из ребят не влюбилась,
По-мальчишески дружбу вела,
Самой первой на курсах училась,
На работу без песен не шла.
Так жила и не знала печали,
Излучала таинственный свет,
И друзьям, что на фронт уезжали,
Долго-долго махала вослед.
А когда о несчастьи узнала,
По разбитому танком пути
Без косынки за нами бежала...
Не успела от немцев уйти.
И на площадь, где танцы бывали,
Где гулял вечерами народ,
Чужеземцы-солдаты согнали
Наших девушек палкой, как скот.
Горе, горе, невольничий рынок.
Мир не видывал муки такой.
— Нужно самых здоровых блондинок! —
Плечи трогают грязной рукой.
И увозит в ярме на чужбину
Наглый немец с сигарой во рту

Может, Таню, а может, Марину,
Нашу ласточку, нашу мечту.
Ты дитя золотого простора,
Тех краев, где поют соловьи.
Сколько горя и сколько позора
Опустилось на плечи твои.
Разве в силах обиду стерпеть мы,
Чтоб сжималось рыданья кольцо,
Чтоб немецкие старые ведьмы
В дорогое плевали лицо.
Ты осталась такою же чистой,
И сильнее, чем прежде, любя,
Убивая проклятых фашистов
Каждой пулей я мщу за тебя.
Мы тебя отобьем у неволи,
Мы сгорим, если надо дотла,
Может Лиза, а может быть Оля,
Чтоб ты снова свободно жила.

Разговор Волги с Доном

Слышал я под небом раскаленным —
Через сотню верст, издалека,
Разговаривала с синим Доном
Волга-мать река.

Здравствуй Дон, товарищ мой старинный
Знаю, тяжело тебе родной,
Берег твой измаялся кручиной,
Коршун над волной.

СОДЕРЖАНИЕ

Только я скажу тебе, товарищ,
И твоим зеленым берегам:
Никогда, сколь помню, не сдавались
Реки русские врагам.

Дон вдали сверкнул клинком казачьим.
Отвечает Волге—труден час,
Горько мне теперь, но я не плачу,
Слышу твой наказ.

Русских рек великих не ославим,
В бой отправим сыновей своих,
С двух сторон врагов проклятых сдавим,
И раздавим их.

Волга Дону громко отвечала —
Не уйдет противник из кольца,
Будет здесь положено начало
Вражьего конца!

Темным гневом набухают реки,
О которых у народа есть,
Столько гордых песен, что во-веки,
Их не перечесть.

Реки говорят по-человечьи,
Люди словно волны в бой идут.
Немцы на широком междуречьи
Смерть свою найдут.

Бой кипит под небом раскаленным,
Ни минуты передышки нет.
Волга разговаривает с Доном,
Дон гремит в ответ.

